

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВИДЕЛ МИР ЛУЧШИМ

Павел Шишкин

У камеры в его руках было волшебное свойство — обязательно разглядеть в человеке что-то хорошее, о чем тот порой и сам не подозревал. На его снимках даже чиновники выглядели живыми, вполне симпатичными людьми

Легендарный пензенский фотокорреспондент Владимир Гришин ушел в конце сентября, когда вокруг так много цвета, а воздух прозрачен настолько, что, кажется, можно видеть не только сквозь расстояние, но и через время. В такие дни хорошо фотографировать и вспоминать, потому что все замедляется, а память любит неспешность и детали.

Мне это время всегда чем-то напоминает старый семейный альбом с лицами давно ушедших, но по-прежнему дорогих и близких людей. Вот и Гришин теперь — на желтеющих его страницах.

О нем не получится написать традиционно: родился, учился, окончил институт, делал карьеру. Потому что институтов он не кончал. Делать карьеру абсолютно не стремился, хотя и мог бы.

Вся его карьера, большая часть которой связана с «Пензенской правдой», не от должности к должности, а от снимка к снимку, от репортажа к репортажу. Работа с паузами на жизнь, где он влюблялся, женился, разводился. Там у него были дочери, внуки и даже уже правнуки, которых он очень любил.

Но все это, на самом деле, как будто в паузах между съемками. А главной его жизнью была работа.

— Без работы я умру, — часто повторял он.

Для него не существовало понятия «выходные». Он даже в отпуск ездил с фотоаппаратом и всегда возвращался с фоторепортажем.

— Знаешь, когда Гале исполнилось 18, отмечать собирались всей семьей в воскресенье, — рассказывала мне его дочь Наташа. Но ему надо было в этот день снимать Масленицу. А отказаться от съемок он не мог даже ради любимой внучки. Мы тогда просто все перенесли.

В семье всегда так было: папина работа — на первом месте. По-другому просто не мог. Сам знаешь: это же Гришин!

ГОНИТЕ ЕГО В ШЕЮ!

Он родился в 1951 году. А первый его настоящий фоторепортаж появился в местной молодежке «Молодой ленинец» в 1968-м. Подавляющее большинство коллег считало, что гришинским учителем в профессии был знаменитый отец — фотокорреспондент фотохроники ТАСС Владимир Петрович Гришин. На самом же деле отношения отца с сыном всю жизнь были очень сложными. Узнав, что Гришин-младший начал публиковать свои работы в газете, отец позвонил в редакцию и потребовал: «Гоните его оттуда в шею!»

Отказать ему не смогли.

Армия сделала путь Володи в профессию еще более сложным. Служил в оренбургских сте-

пях. Кто был — имеет представление, что это такое. Повредил палец, началось загноение, врачи, испугавшись гангрены, недолго думая, приняли решение об ампутации.

Про этот отсутствующий палец его часто спрашивала маленькая дочь ответсека «Пензенской правды» Лера Рогожкина.

— Потерял, — объяснял ей Володя.

— Так и не нашел? — всякий раз с надеждой смотрела она при очередной встрече на его руку.

— Не нашел, — печально вздыхал в ответ Гришин.

Врачам же, когда интересовались, почему в свое время не оформил инвалидность, неизменно отвечал: «А чтобы потом не ходить каждый год по больницам и не доказывать вам, что палец у меня не вырос».

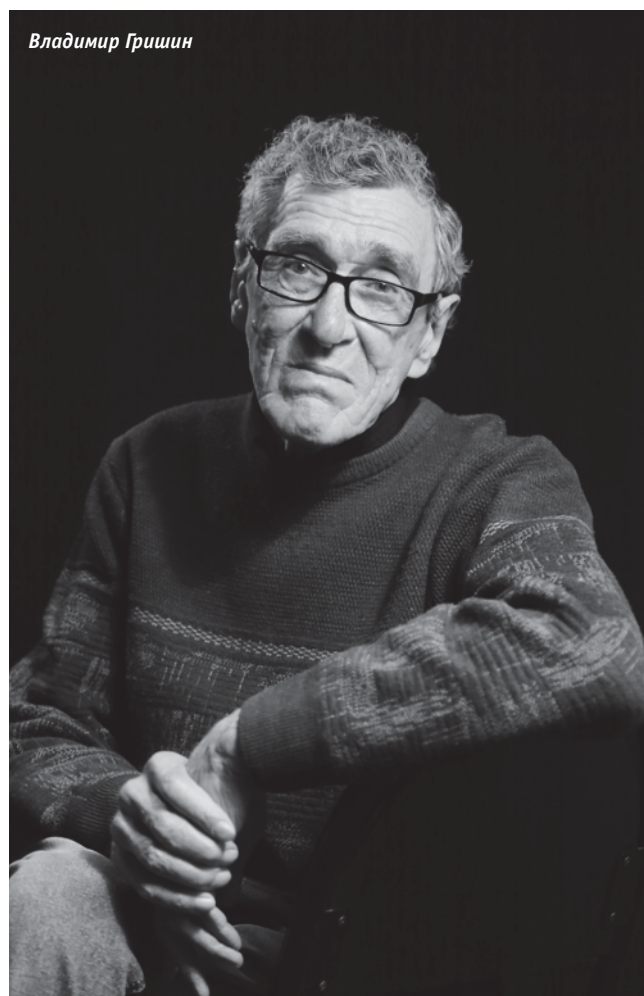
Врачей, кстати, он очень много и замечательно фотографировал. Но боялся.

Я СЕБЯ УВАЖАЮ

Сегодня почти и не осталось тех, кто помнит, как начиналось его профессиональное восхождение. Что прежде, чем фамилия Гришин снова появилась в газете, пришлось ему потрудиться на заводе. Даже старшее поколение ныне работающих журналистов застало его уже живой легендой. Громогласной, взъерошенной, бескомпромиссной, с неизменным «Беломором» во рту. Молодежь уважительно звала его Владимиром Владимировичем. Старшие коллеги — и в глаза и за глаза — просто Гришин.

Ехать в командировку он был готов на чем угодно

Владимир Гришин

Владимир Гришин за работой

Детство

Бессмертный полк

Он и сам себя так величал. На суждения и оценки был резок и спуска не давал никому. Но, отругав молодую коллегу за то, что некстати лезла в кадр, забыла уточнить должность героя, не предупредила,

что нужно было еще кого-то снять, он уже на следующий день являлся к ней в кабинет с шоколадкой в руках и первым шел к редактору защищать напарника по поездке. Абсолютно не терпел только лентяев, бездарей и случайных в профессии людей. Коллеги из других редакций, случалось, приходили жаловаться, что на съемках Гришин буквально расталкивает всех локтями, занимая лучшее место. При этом признавали, что ни у кого нет такого умения правильно выбрать точку съемки, и на мероприятиях частенько смотрели, куда встанет Гришин, а потом пристраивались у него за спиной.

Тяжелее всех с ним приходилось, пожалуй, дизайнерам. Мимо него не проходила ни одна полоса. Он отслеживал каждый свой снимок. И не дай Бог замечал, что ту или иную фотографию в интересах верстки неудачно, на его взгляд, обрезают!

Первая волна гришинского гнева обрушивалась на несчастного верстателя, затем выплескивалась в редакционный коридор, грохотала в кабинете главного дизайнера, а своего пика, если не получалось добиться своего, достигала в кабинете редактора.

— Паш, ты глянь, — уже с порога начинал он апеллировать ко мне. — Ну, как, блин (понятно, что на самом деле выражался он куда как крепче), так можно было со снимком? Где у них глаза?! Откуда у них руки растут?!

Девчонки-дизайнеры после таких его визитов порой плакали. Счастье, что сердиться долго он не умел, и следующее утро начиналось с примиряющих конфет и шоколадок.

На него не обижались, потому что это не было капризами избалованной звезды. Это была реакция фанатично преданного своему делу профессионала.

Каждый кадр он буквально выстраивал, тщательно обрабатывал снимки, убирая лишнее и подчеркивая важное. Заставить его отдать для размещения необработанную фотографию было невозможно.

Случалось, какие-то снимки совсем срочно нужны были для сайта или соцсетей. К нему журналисты в таких случаях идти чаще всего не рисковали и обращались за помощью ко мне. Я, заранее зная результат, тем не менее спускался в гришинский кабинет на первом этаже и осторожно так спрашивал:

— Володь, а что со снимками? Может, давай пару для сайта отдадим, а остальные потом, когда работаешь?

— Паш, не дам! Вот даже не проси! Сделаю, как надо, потом берите. Ты же невычитанную газету в печать не отдашь? Потому что себя уважаешь! И я тоже себя уважаю! Под этим моя подпись стоять будет.

Идею, что каждый журналист должен научиться снимать сам, он не поддерживал, но понимал, что иначе в сегодняшнее время невозможно. Глядя на неуклюжие снимки, привезенные коллегами из командировок, ворчал, но не уставал объяснять про горизонт, важность заднего плана и другие азы. Кадр был для него своего рода иконой. От плохих фотографий его буквально трясло, о хороших он мог говорить бесконечно.

В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ ЕГО НЕСЛИ ЧЕРЕЗ ЖИВОЙ КОРИДОР ЗАПЛАКАННЫХ КОЛЛЕГ, ДЕРЖАВШИХ В РУКАХ ЛУЧШИЕ ГРИШИНСКИЕ РАБОТЫ, РАСПЕЧАТАННЫЕ В ФОРМАТЕ АЗ. И, КОНЕЧНО, НИКТО НА НИХ НИЧЕГО НЕ ОБРЕЗАЛ.

Это была идея Таи Парамоновой, главного дизайнера «Пензенской правды».

У НЕГО ВСЕ КРАСИВЫЕ

Люди, читавшие довлатовский «Компромисс», единодушно говорили, что на страницах, посвященных Жбанкову, сразу же начинали улыбаться, вспоминая Гришина.

— А мне он напоминал волка из «Ну, погоди!», — наверное, ни с кем из журналистов «Пензенской» Гришин не любил так работать, как с уехавшей несколько лет назад в Москву Лианой Коженковой. — Согласись, мы ведь все этот мультик только из-за волка смотрели. Заяц никому был не интересен. А волк, он какой-то свой, понятный, искренний. И все чувствовали, что в душе он добрый и ранимый. Вот так и Гришин. Он даже папиросу курил так же.

Я думаю, может быть, еще и поэтому его так любили дети и тянулись к нему, несмотря на слегка бармалейский порой володин вид. Общий язык с ними он находил моментально. Вероятно, они просто сразу чувствовали его искренность и доброту. Женщины, чего греха таить, его любили тоже. Так же, как и он их. Он вообще любил все красивое.

Контрасты

Прекрасно разбирался в женской моде, одежных брендах.

— Я вдруг поймала себя на мысли, что пропало желание наряжаться на работу, — услышал я через несколько недель после похорон от одной из главных редакционных модниц, Светланы Февралевой. — Не для кого. Гришина больше нет. А остальные и не скажут ничего, да и не заметят.

Почти каждый новый начальник департамента СМИ, а за время гришинской работы в «Пензенской правде» сменилось их десятка полтора, вступив в должность, звонил в редакцию и просил, чтобы Гришин сделал его снимок для сайта правительства.

Играй, гармонь

По грибы

— Зачем Гришин-то? Там же фотография нужна почти как на паспорт? — поинтересовался я как-то у очередной начальницы.

— Ну и что? У Гришина все везде красивыми получаются, — прилетело в ответ.

ОДИН СРЕДИ ДРУГИХ

Наверное, вот эта потрясающая особенность видеть мир красивым даже там, где и красоты этой вроде не разглядеть, и была главным секретом его таланта. А все его творчество, метания — мучительной попыткой остановить эту ускользающую красоту. И его жесткость, грубость порой — от невозможности это сделать.

В этом нет никакого парадокса. Талант — радость для окружающих, но для того, кто им обладает, чаще всего — боль.

Несмотря на множество родных, коллег, которые его любили и ценили, внутри себя он был очень одинок, и справляться с этим ему было непросто. Так бывает в жизни. Возможно, это тоже часть платы за талант, непохожесть и право быть не как все. Есть хорошая притча про человека, поднявшегося на вершину горы, где до него не был никто. Когда он спустился, его спросили: «Ну как там, наверху?». «Холодно», — ответил он.

Мне кажется, это про большинство талантливых людей.

Знаю, что Гришину было очень непросто и потому еще, что очень сильно изменилась сама профессия и система ценностей в ней. Кабинетной журналистики Володя искренне не понимал.

— Пешком по 20 километров ходили, в стогах ночевали, — возмущался он иногда после планерки, когда слышал, как молодые дарования отказываются ехать в командировку в район, потому что нет свободной машины и вообще можно взять информацию по телефону и через соцсети.

Журналистский путь в его понимании измерялся количеством пройденных километров, а не протертых в кабинете штанов, числом встреч с самыми разными людьми, а не переписанных пресс-релизов. Он формировался среди тех, кто много работал, да, порой излишне выпивал, но никогда не срывал редакционных заданий. Готов был при первой необходимости мчаться хоть на край света, профессию считал призванием, а главной журналистской обя-

занностью — помощь людям. Увы, нынешние редакции заселились какими-то другими людьми.

А он оставался одним из последних, для кого журналистика — не наспех выхваченный жареный факт, а умение думать на бумаге, понять своего героя, разобраться в причинах события, а не просто сообщить о нем.

Многие гришинские фотографии не поворачиваются язык назвать иллюстрацией к материалу. Они сами по себе были материалом. Как, например, известный его снимок «Вот моя деревня», побеждавший на разных профессиональных конкурсах.

ОН КРИЧАЛ, НО СНИМАЛ

Он не понимал разговоров из серии: «Как же не хотелось утром выходить из дома на работу». У Гришина все было наоборот. Хорошо помню, как вечерами после окончания рабочего дня со своей сумочкой в руках он подолгу стоял на редакционном крыльце, беседовал с вахтерами и лишь после этого обязательного ритуала, закурился, ссутулившись, шел домой.

«Стареет Гришин», — невольно думал я, глядя в печальную его спину.

Но утром к редакции подходил как будто другой человек. У него и плечи расправлялись, и выглядел он на порядок моложе.

Лежать на мерзлой земле, лезть на крышу грузовика, снимать на ходу из поднятого ковша трактора, шагать в полуботинках по колено в снегу — ради дела он был готов на все.

— Помню, лет десять назад на Крещение мороз был просто жуткий, да еще с ветром. Накануне Владыка обратился к верующим, чтобы в проруби не лезли, — вспоминает Лиана Коженкова.

— Но у Бакунинского моста все-таки прорубили купель, и мы с Гришиным туда пошли. Слава Богу, у меня дома чья-то старая шуба была размеров на пять больше, я ее поверх пуховика напялила. Пришли, смотрим, а люди все равно в прорубь лезут. Выбираются — и тут же буквально коченеть начинают, и уже даже одеться сами не могут. Те, кто рядом на берегу, им помогают, буквально натягивают на них теплые вещи. Тут уж не до репортажа, я тоже на помощь бросилась. А Гришин свое дело делает — снимает. А в перчатках же работать не может, поэтому камеру держит голыми руками.

Наработался

Вот моя деревня...

Иллюстрация к материалу «Последний праведник» — о последней жительнице умирающей деревни

Любимая внучка Галя

Больно ему было жутко. Володя же, сам знаешь, какой терпеливый, а здесь даже он терпеть не может, кричит просто от боли, но снимать не перестает.

Как правило, к съемкам он готовился заранее и очень тщательно. Хорошо помню, когда редакция среди первых в стране решила организовать шествие Бессмертного полка, Гришин сразу же захотел сделать прямой план шагающей колонны откуда-нибудь сверху. Ни о каких квадрокоптерах и прочих чудесах техники тогда и речи не шло.

Володя заранее сходил в ближайшую к памятнику библиотеку и договорился, что они дадут ему стремянку. Утром дотащил ее до места, где планировал снимать, и оставил под охраной обалдевших под его напором двух милиционеров. Им объяснил, что это задание чуть ли не лично губернатора.

Отснял остальные мероприятия, дождался начала шествия, выставил под изумленными взглядами зевак свою стремянку посреди проспекта Победы и начал карабкаться наверх. А ветер в тот день задувал очень серьезно.

Хорошо, что рядом оказались мы с Андреем Земсковым, заместителем редактора по экономике, и держали эту хлипкую стремянку.

Честно говоря, за Гришина, балансировавшего наверху и умудрявшегося снимать, было страшновато. — Надо будет конфет девочкам в библиотеку отнести, — невозмутимо произнес он, спустившись вниз, и отправился работать дальше.

Встречаясь с Андреем, до сих пор вспоминаем этот эпизод и гордимся, что выпал случай помогать самому Гришину.

А еще многие пензенские журналисты с улыбкой вспоминают сегодня, что работали у него веточками. Оживить кадр веточкой, которая качается рядом с героем, было Володиной слабостью, над которой порой посмеивался он сам, и своего рода его авторской подписью.

Подходящие веточки в точке съемки были далеко не всегда, и Гришин их находил где-нибудь поблизости, после чего вручал напарнику по командировке, и тот должен был держать эту веточку в кадре.

В редакции говорят: «Мы все поработали гришинскими веточками».

Я ЕЩЕ НА РАБОТЕ

Полтора года назад Володя снимал Масленицу в Центральном городском парке. Город, как, впрочем, и обычно в последние несколько лет, напоминал ледяной каток. Во время съемок Гришин, поскользнувшись, упал. Руки держал поднятыми вверх, спасая камеру. Ударился грудью.

В больницу, конечно же, не пошел. Хотя болело сильно, еще пару месяцев отмахивался от уговоров показаться врачам, продолжая бегать по заданиям и ездить в командировки. Потом прозвучало страшное слово «онкология».

Насколько все сложно, знали единицы. Ему про это тоже не говорили. Едва оправившись от операции, он снова вышел на работу. Его берегли, старались не гонять на сложные съемки. Но кто же удержит Гришина? Он снимал до последнего.

Потом снова была больница. За несколько дней до смерти у него от множества лекарств и уколов начало путаться сознание. И когда ему звонили и спрашивали про то, как дела, в ответ слышали:

— Все нормально. Я пока еще на работе задерживаюсь.

На его могиле фотография, сделанная за несколько месяцев до того Сергеем Красильниковым. Наверное, единственный снимок, где Володя задумчив, грустен и потому кажется абсолютно незащитным. Эту фотографию выбрал он сам. Думаю, это и было его настоящее самоощущение.

И все же, вспоминая его, вижу в первую очередь ту стремянку, и где-то там, между небом и землей, — растрепанного под напором ветра, творящего свое волшебство Гришина.

— А как там на высоте?

— Холодно!

Р. С. А еще я не сомневаюсь, что если есть свой специальный рай для фотографов, то Гришин обязательно уже там. И у него наконец самая хорошая аппаратура, очень много работы, а рядом с героями снимков всегда колеблется на ветру, не отбрасывая тени, ветка цветущего дерева.

&

Экс-губернатор Пензенской области Василий Бочкарев.

Ветка в кадре была своего рода его авторской подписью